

левладельцев, публиканов, дельцов, людей свободных профессий не позволяет говорить об единой политике всадничества. Но отдельные группы всадников, особенно публиканы и дельцы, оказывали сильное влияние на политику римского государства. Автор специально занимается изучением этого вопроса (стр. 317 сл. и стр. 381 сл.).

Обращение к источникам позволило автору открыть новые пути в исследовании такого вопроса, как превращение всадничества в служилое сословие. Этот вопрос уже считался решенным. Из одной монографии в другую, из учебника в учебник переходило утверждение, что Август впервые использовал финансовый опыт римских всадников, назначая их прокураторами и префектами. Просопографическое исследование К. Николе показало, что немалое число всадников было прокураторами и префектами уже в республиканскую эпоху (стр. 283 сл.). К достоинствам труда К. Николе следует отнести четкое понимание автором границ и возможностей просопографического метода. 370 всадников, чьи имена извлечены из источников, составляют менее 4% общего их числа в последнее столетие Республики¹¹. Автор не исключает того, что часть лиц, известных нам из эпиграфических источников и трудов античных писателей, была всадниками, хотя мы и не располагаем указаниями об их принадлежности к *ordo equester*. Но при характеристике социальной градации и изменений в социальном составе всадничества (*mobilité sociale*) исследователь может опираться на данные о 4% всадников и это, как полагает автор, дает возможность составить общее представление о социальных процессах. Наряду с уже упоминавшимися особенностями социальной и политической жизни всадников просопографические данные позволяют автору отметить (что особенно важно) увеличение численности и повышение роли муниципального всадничества, которое было политической опорой Юлия Цезаря.

Третья часть монографии, состоящая из четырех глав, посвящена участию всадников в уголовном суде. Автор детально исследует все судебные законы, начиная с *Lex Sempronia Iudiciaria*, впервые введенного всадников в судебные комиссии и доставившего им важнейшие преимущества. Автор занимается малоизученным вопросом о греческих прототипах римских судебных законов и находит эти прототипы в конституции Родоса.

Особый интерес представляет исследование К. Николе одного из первостепенных эпиграфических памятников *Lex repetundarum*, известного также под именем *Tabula Bembia*. Среди имеющихся в распоряжении науки девяти фрагментов закона о вымогательстве нет вступительной части, обычно содержащей имя автора закона. По упоминаниям в тексте сохранившихся фрагментов трех предшествующих законов (*lex Junia*, *lex Calpurnia*, *lex Rubria*) ясно, что речь идет о законе, принятом в конце II в. до н. э. Но о каком? *Lex Acilia*? *Lex Servilia*? *Lex Sempronia*?

В прошлом веке с легкой руки Т. Моммзена господствовало мнение, что *Tabula Bembia* представляет собой запись закона Ацилия о вымогательстве. После исследований П. Фраккаро и Дж. Тибилети считается наиболее вероятным, что в надписи представлен судебный закон Грая Гракха¹². Немаловажным для этой гипотезы оказалось то обстоятельство, что кардинал Бемба нашел обломки бронзовой доски в Fossembronne (очевидно, древнее название *Forum Sempronii*), на месте одной из основанной Граем Гракхом колонии римских граждан. К. Николе принимает точку зрения Фраккаро и Тибилети об авторстве закона и приводит ряд аргументов в ее пользу.

Автор предлагает новые конъектуры для заполнения лакун в параграфе, определяющем, из какой категории лиц должны выбираться судьи для процесса о вымогательстве. Одна из конъектур представляется нам убедительной. Вместо предлагавшегося Моммзеном *merc[e]de conductus depugnavit depugnaverit*] и Каркошино *merc[at]uram vel argentariam exercet exercuitve lege Rubria Acilia*] К. Николе предлагает *merc[e]de aliqua vel pretio corruptus siet*]. Идея гладиаторских боев, из которой исходит Моммзен, неприменима к памятнику II в. до н. э., для которого не известны случаи сражения свободных людей в качестве гладиаторов. Гипотеза Каркошино может быть отвергнута потому, что термин *mercator* обозначал слишком низкую социальную категорию, чтобы ею мог заниматься законодатель. Что касается заполнения лакуны после слов *in hac seivit*, то предложение автора — *in hac seivit[ate equum publicum habebit habuerit quoique sestercium...x... milium summum census siet]* — кажется нам неубедительным. Мы продолжаем считать, что в не дошедшей до нас части параграфа речь шла о широкой юридической кате-

¹¹ Число всадников в 130 г. до н. э. автор определяет в 2400 человек, между 90 и 70 гг. до н. э. — в 5000 человек; таким же было их количество во времени Августа (стр. 457).

¹² P. F r a c c a r o, *Sulle Leges Iudiciariae romane*, «Rend. Istituto Lombardo di Science e Lettere», 1919, стр. 335—370; G. T i b i l e t t i, «Le leggi de iudiciis repetundarum» fino alla Guerra Sociale, «Atheneacum», 1953, стр. 5—100.

горни, куда входили как сенаторы, так и всадники¹³.

Специальная глава посвящена Сервильным судебным законам, т. е. законам Сервилия Цепиона и Сервилия Главции, о содержании и датировке которых ведутся споры с давних времен. Бесспорным является лишь антивсадническая направленность закона Сервилия Цепиона и защита интересов всадников в законе Сервилия Главции.

Четвертая часть монографии охватывает малоизученные аспекты идеологической истории *ordo equester*. Исследуя, произведения Цицерона и Тита Ливия, автор разбирает содержание понятий *concordia ordinum*, *concordia hominum*. Особая глава посвящена роли Цицерона в идеологическом оформлении требований всадников.

Основной тезис автора о том, что под *ordo equester* в республиканскую эпоху следует понимать лишь всадников 18 центурий, представляется нам достаточно обоснованным. Принятие его является еще одним ударом по модернизации, которая пытается укрепить свои позиции, оперируя материалом истории *ordo equester*. В то же самое время ряд высказанных Николе положений кажутся нам недостаточно обоснованными. Соглашаясь с доводами автора, отвергающего возможность датировки так называемой сервианской конституции VI веком до н. э., мы полагаем, что ее следует отнести не к концу IV в. до н. э., но к середине V в. до н. э.¹⁴ При решении этого

¹³ Наша конъектура: *in hac seivit[ate classis primaе sient]* — см. статью «К вопросу о составе судебных комиссий по закону Ацилия о вымогательстве» (ВДИ, 1952, № 2, стр. 222 сл.).

¹⁴ См. подробнее нашу работу «К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия» (ВДИ, 1959, № 2, стр. 153 сл.).

вопроса автор упустил важные факты из области военной истории, исключая принятую им слишком позднюю дату.

Идеологический аспект истории *ordo equester* мог быть углублен, если бы автор рассмотрел данные о римской религии, в частности сведения о культе божества *Concordia*. Нельзя считать случайным сооружение храмов *Конкордии* в годы возобновления союза между всадниками и сенаторами, союза, направленного своим острием против плебеев и аграрных движений.

Необоснованно, на наш взгляд, выбрана конечная дата для предпринятых автором изысканий — 43 г. до н. э., год смерти Цицерона. Более целесообразно было бы довести такое исследование до времени Августа. Эпоха гражданских войн, последовавших за смертью Цезаря, оставила глубокий след. Происходит окончательная деградация римских всадников в политическом отношении.

Принятая автором форма изложения по отдельным проблемам истории *ordo equester* наряду с преимуществами имеет и недостатки. Отказ от хронологического принципа изложения привел к тому, что ряд второстепенных для установленной автором проблематики истории всаднического сословия вопросов выпал из поля зрения исследователя. В работе нет, например, оценок позиции отдельных групп римских всадников в событиях Югуртинской и Союзнической войн и т. д.

Правильная постановка вопроса о составе всаднического сословия должна углубить наши представления о характере социальной борьбы в эпоху кризиса и падения Республики, а не привести, как это можно видеть в трудах некоторых представителей просопографического направления, к смазыванию классовых противоречий в римском обществе.

А. И. Немировский

K. D. WHITE, Agricultural Implements of the Roman World, Camb., 1907, XVI+232 стр., 119 рис., 16 табл.

Все, кто занимался сельским хозяйством древней Италии и потому постоянно имел дело с латинской агрономической литературой, знают, что описание рала и плуга у Вергилия представляет собой набор загадок, а серпы, упомянутые Колумеллой, до сих пор — предмет споров и предположений. Слова, какими в переводах и словарях передают латинские названия сельскохозяйственных орудий, сплошь и рядом только заслон, за

которым прячется голое невежество. Сделать эти слова обозначениями конкретных предметов, объяснить, для какой работы эти предметы употреблялись и каким образом ими пользовались, составить толковый инвентарь итальянского сельскохозяйственного оборудования — такую задачу поставил себе К. Д. Уайт и выполнил ее с мастерством редким. Появление его книги обрадует всех, кто интересуется сельским хозяйством древ-

ней Италии. Одно за другим проходят перед читателем орудия, которыми пталиец пахал поле и разделял огород, резал древесную листву, прививал и обрезал лозы и деревья, расчищал пустоши, убирал хлеб и косил сено. Инвентарь италийской усадьбы характеризуется не только обилием, но и разнообразием предметов, относящихся к одному и тому же роду: лопат и заступов имеется, например, 9 видов, мотыг 8, топоров 4, ножей для работы в саду и винограднике 15. О каждом орудии Уайт пишет, следуя одному строго определенному плану: вначале он приводит все сведения древних авторов относительно данного инструмента, сопровождая их безупречным по точности переводом; далее следует «обсуждение», включающее: 1) описание инструмента, 2) объяснение, для какой работы он был предназначен и как им действовали; 3) перечень его изображений и археологических находок; 4) сведения об этом инструменте для нашего времени; сохранился ли он и в каком виде, как называется, названия каких орудий произошли от его латинского наименования. К этому прилагается рисунок или с оригинала, или с его изображений в скульптуре, мозаике или графике. Рисунок снабжен пояснительной надписью в «Каталоге» (стр. 177—191): откуда взят, где хранится оригинал, каковы его размеры; кто писал об этом орудии; где еще имеется его изображение. Трудно желать большей полноты и обстоятельности. Пустые слова превратились, наконец, в точные обозначения реально существовавших предметов. До какой степени это ново, можно убедиться на примере любого комментированного издания (если оно существует) латинских агрономов. Возьмем одно из трудных мест Катона «Земледелия» (II, 4) и посмотрим, как его перевели и толковали новейшие переводчики.

Вот переводы Бригаута¹ и Тильшера²:

falces sirpiculae «серпы для срезания тростника» (Б); «серпы для ситника» (Т.); *f. silvaticae* «кривые серпы для срезания листвы» (Б.); «лесные серпы» (Т.); *f. arborariae* «садовые ножи» (Б.); «ножи для деревьев» (Т.); никаких пояснений к своему переводу ни тот, ни другой не дают. Какое представление о всех этих «серпах» и «ножах» получит читатель, отчаявшийся понять — не слова латинского текста, а то, что они обозначают, — и кинувшийся за разъяснениями к переводам с комментарием?

Ответа до появления книги Уайта не было. Уайт поместил 6 рисунков раз-

ных *f. arborariae* с оригиналов, найденных под Помпеями, на Рейне и во Франции (рис. 58—63, ср. стр. 183—184), и объяснил их назначение. Эти ножи своеобразного вида предназначались: одни для срезывания лесной листвы; другие для обрезки деревьев, по которым вилась лоза и которым обрезкой придавали особую форму; третьи для обрезывания лоз; четвертые для приведения в порядок колючих живых изгородей. *F. silvatica*, оказывается, синоним *f. arboraria*. Имеется рисунок *f. sirpicula* (рис. 65) — ножа, которым резали тростник; попутно автор объяснил, какую важную роль играл тростник для италийского виноградарства. Отметим тут же эту ценную в книге Уайта черту: вдвигать каждый инструмент по возможности в общий строй хозяйства, увязывать его с целым и показывать его обусловленность климатом и почвой.

«Мотыга» и «кирка» и соответствующие им слова в английском, французском и немецком служили бесцветным обозначением семи орудий, правда, в основном сходных, но и с различиями существенными. В руках Уайта каждый из этих семи предметов «воскрес»: получил свой, только ему присущий облик и был приписан к своему делу, только ему и назначенному. Нельзя не залюбоваться процессом этого «воскрешения». Вот, например, *ligo* «кирка». Автор собрал — по мелочам, по каплям — все, что сказано об этом орудии у древних (Катон, Варрон, Колумелла, Плиний, Гораций, Овидий, Марциал, Стаций, Исидор, Вегетий): слегка загнутый внутрь, широкий налопатник, иногда с выемкой; длинная ручка; работают в саду и в огороде; в гористых местах заменяет плуг; при работе высоко взмахивают над головой; вырывает траву и полкустарники. Соединяясь одна с другой, все эти подробности воссоздают не только реально существовавшее орудие, но и его работу; вместо обобщенной «кирки» появился инструмент строго определенных очертаний и конкретного назначения. Оказалось возможным отождествить его с изображением на одной гемме; Уайт привлек для сравнения и современные итальянские орудия, похожие на это изображение. Таким же образом восстанавливается и *sarsulum*: два его вида, работа, для которой употребляют тот или другой вид; «потомки» этого орудия в современном Средиземноморье. Сравнение литературных источников (кроме неперменных писателей-агрономов и Плиния, еще и Катулл, и Овидий, и Сенека) с археологическими находками позволило установить, что *gastrum* вовсе не грабли, как часто переводили это слово, а четырехзубая мотыга с особым вида зубьями, которой разбивали комья земли, вывернутой ралом или плугом, а при расчистке почвы извлекали ушедшие вглубь

¹ E. Brehaut, Cato the Censor. On farming, N. Y., 1933.

² P. Tielscher, Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft, B., 1963.

корни. Работа *gstrum* дополнялась работой бороны (*crates; irpex*). Уайт обратил внимание — первый, насколько мне известно, — что зубчатая борода *crates dentata* упоминается только у Плиния (XVIII, 180), первый провел четкую разницу между нею и бороной-волокушей, которая называется тоже *crates*; указал, что *irpex* было местным сабинским названием примитивной бороны, состоявшей из одной доски, утыканной гвоздями или деревянными кольшками. В дальнейшем зубчатая борода приобретает форму треугольную или прямоугольную.

Италийские топоры (4 вида) оказались сложным инструментом, в котором соединились топор, выполнявший разные обязанности наших топоров, и либо *gstrum*, либо мотыга в той ее форме, которая называется *sargulum* (украинская «сапка»). Этим инструментом обрубали сучья, кололи дрова, рыхлили землю, разбивали земляные комья; особенно полезен он был при работах в виноградниках и масляных садах. *Ablaqueatio*, одна из важнейших садовых работ, целью которой было сохранить влажность для дерева на сухое и жаркое время и которая состояла в том, что, обрубив разросшиеся по поверхности корни маслин и лоз, растение окапывали воронкообразной ямкой, производилась именно этим орудием. Наличие таких «комплексных» инструментов давало возможность сокращать хозяйственный инвентарь и экономить рабочее время. Все это мы узнаем впервые.

Всякое исследование есть движение вперед, прокладывание дороги. Этой работе помогают не только успешные поиски и находка истинного; благотворны споры и самые ошибки ищущих. И с Уайтом не во всем соглашаешься; может быть, иные его ошибки я заменю своими. Не беда: по этим вехам найдут то, что нужно.

Итак, некоторые положения Уайта представляются мне спорными. Отметив, например, что у Катона в инвентаре маслинника нет *falx messaria*, но есть *f. stramentaria*, он высказал два предположения: 1) *f. messaria* — то же самое, что и *f. stramentaria*; в этом случае следует считать, что хлеб у Катона сжинали при земле с целой соломной, от которой колосья отделяли потом; 2) если принять возражение Ле Галля³, «от которого нельзя отмахнуться» (стр. 79), что *f. stramentaria* употреблялся только для уборки соломы, оставшейся стоять в поле после того, как сняты были колосья, «то надо прийти к выводу, что у Катона (а следовательно, в хозяйствах Лация и Кампании. — *M. C.*) снимали с помощью „гребня“ или *mergae* только

колосья». Варрон, хорошо знавший «сельскохозяйственные древности» Италии, ограничил первый способ уборки (сжинают хлеб вместе с соломой) Умбрией, а второй (обрывают одни колосья) Пиценом. «Под Римом и в большинстве мест солому жнут по середине стебля» (I, 50,2). Можно допустить, что Варрон забыл упомянуть рядом с Умбрией или Пиценом Кампанию (хотя это и маловероятно), но о том, как жали хлеб у Катона, сообщает он сам, не непосредственно, правда, а неоднократно упоминающая в числе кормов *palea*: солому и колосья, измятые и разорванные молотильными досками и копытами животных (Plin., XVII, 99); солома с колосьями попадала на ток только при том способе жатвы, когда колосья срезали с частью соломы. Мы получаем право несколько конкретизировать «большинство мест» Варрона, прибавив к «окрестностям Рима» Кампанию.

Отсутствие *f. messoria* в инвентаре маслинника у Катона, инвентаре, продуманном до мелочей (все, что нужно, и ничего лишнего) объясняется, вероятно, тем, что полевое хозяйство Катон сдавал издольщикам (Cat. 136), и те, конечно, приходили жать со своими серпами. Оставшуюся солому убрали хозяйские рабы, и для этой работы у Катона и были *f. stramentaria*.

По всей видимости, это и не серпы, как думает Уайт, а косы. Югер луга полагалось выкосить за один день (Col., XI, 2, 40); за такой же срок следовало убрать и оставшуюся после жатвы солому (ibid., 54); работа, очевидно, производилась одним и тем же орудием.

«Кривая палочка с железной пилочкой на конце», которой, по словам Варрона (I, 50,2), убирают хлеб в Пицене, не давала покоя ученым с XVIII в. Шнейдер отождествил ее с другим уборочным орудием — *mergae* (*obscura per obscuriora*) и, исходя из объяснения Феста: *mergae = ferculae*, «вилочки» (стр. 114, ed. Lindsey), реконструировал «палочку» в виде совершенно немислимого инструмента: один конец вилочек представлял собой «железную палочку», а другой захватывал пучки колосьев⁴. Монже, приняв чтение рукописи *m* (*batillum* вместо *bacillum*), изобразил «палочку» в виде зубчатой лопаты с длинной прямой рукояткой⁵. Рич отождествил «палочку» с древнеегипетским серпом⁶; Орт пошел по его следам: «Это зубчатый серп с короткой,

⁴ I. G. Schneider, *Scriptores rei rusticae*, Lipsiae, 1794, т. I, ч. 2, стр. 359—361.

⁵ M. Mongez, *Memoire sur les instruments d'agriculture des anciens*, «Memoires de l'institut Royale de France. Classe d'histoire», III, P., 1818, стр. 41, табл. 5, рис. 30.

⁶ A. Rich, *Illustriertes Wörterbuch*

³ F. Le Gall, *Les falces et la faux*, «Annales de l'Est», 1959, № 22, стр. 55—72.

несколько искривленной ручкой⁷). Рейнак решил, что это «большая зубчатая коса»⁸ (как можно косить зубчатой косой?). Ольк⁹ и Бийар¹⁰ избавили себя от лишних тревог, позабыв о «палочке».

Уже то обстоятельство, что Варрон не называет пиценское орудие серпом, указывало путь, по которому следовало идти; Шнейдер и Монже по нему и пошли: при всей нелепости их объяснений они отчетливо выделяли «палочку», как орудие, отличное от обыкновенного серпа¹¹. После них это различие перестали замечать, «палочка» стала зубчатым серпом, и Уайт полностью согласился с Ричем. Обратимся к Варрону (I, 50, 2).

По его словам, в Пицене жнецы имеют деревянную кривую палочку, на конце которой находятся железная пилочка. Когда она захватит пучок колосьев, она их срезает (*desecat*), а солому оставляет стоять на ниве. Памятуя, что перед нами не серп, и послушно следуя тексту, я предлагаю такую реконструкцию «палочки»: на искривленную рукоятку (загнутый конец помогает крепче держать орудие) надета железная пилка. Жнец выходит на работу с корзиной, ремень или веревка, от которой перекинута через голову; он подтягивает или опускает корзину, смотря по высоте соломы. Захватив пилкой пучок колосьев, он пригибает его над корзиной и счесывает туда колосья; солома остается на месте. Между этим орудием и «галльской жаткой», о которой сообщают Плиний (XVIII, 296) и Палладий (VII, 2, 2—4), существует несомненная «качественная» связь: все те же части, только в увеличенном размере, и так же пространственно расположенные:

жнец	—	корзина ¹²	—	«палочка»
вол	—	короб	—	железная зубчатая полоса, обрывающая колосья ¹³ .
(или осел)				

der Römischen Alterthümer, P.—Lpz, 1862, s. v.

⁷ F. O r t h, Getreide, RE, т. VII (1912), стб. 1348—1349.

⁸ S. R e i n a c h, Falx, D—S, II (1896), стр. 969.

⁹ O l c k, Ernte, RE, т. VI (1915), стб. 479—480.

¹⁰ R. B i l l a r d, L'agriculture dans l'antiquité, P., 1927, стр. 123—132.

¹¹ Ближе всех к решению вопроса подошел А. Ф. Магерштедт, заметивший, что «гребень мало чем отличается от пиценского орудия» (A. F. M a g e r s t e d t, Bilder aus römischen Landwirtschaft, Sondershausen, 1859—1862, Bd. V, стр. 240).

¹² О корзине на шее у жнеца Варрон не говорит, но она необходима: должно быть вместилище для обрываемых колосьев.

¹³ Реконструкцию этой жатки по Палладию впервые, насколько мне известно,

Плиний (NH, XVIII, 297) говорил о «ручном гребне» *reſten manuale* (значит, был еще какой-то «гребень» для работы не вручную), которым в Галлии убирали просо. Пицен соседит с *Ager Gallicus*, старинной областью сенонов. Не имеем ли мы в пиценской «кривой палочке» специфически галльского уборочного орудия, давшего толчок к созданию «жатки», для которой оно послужило моделью в миниатюре?

Второй очень трудный вопрос: что такое *falx veruculata*? Орудие это в числе уборочных упоминает только Колумелла (II, 20, 2—3), очень бегло и без всяких пояснений: «Есть много разных способов, жатвы. Многие жнут *falcibus veruculatis*, а также ими или «клювистыми» (*rostratis*) или зубчатыми (*denticulatis*), срезая соломину посередине». Уайт пристально занялся этим серпом: стр. 82—83 плюс длинное «добавление» E на стр. 206—208. Справедливо отказавшись от объяснения Геснера, который имел в виду, конечно, не серп, а косу¹⁴, Уайт предлагает свое: *f. veruculata* — это серп, конец которого настолько вытянут, что напоминает вертел или дротик. Примером служит серп времен лагенской культуры. Если он зубрен, это *f. v. denticulata*; если в его кончике имеется выемка, делающая этот кончик похожим на загнутый клюв, то это, вероятно, и есть *f. v. rostrata*.

Все это не очень убедительно. Начнем с вопроса: что такое *veruculum*? Так назывался или маленький вертел или небольшое металлическое копы римского пешотинца (*Veget.*, II, 15; ср. III, 14 и IV, 29). Уайт правильно переводит *veruculatus* — «снабженный коротеньким копыцем или вертелом» (стр. 82). Но и вертел и

сделал Монже (ук. соч., табл. 4, рис. 29), а не Вудкрафт, как утверждал Кагаров (Е. Г. К а г а р о в, Сельскохозяйственные машины в древнем Риме, «Проблемы истории материальной культуры», Л., 1933, № 7—8, стр. 133). В 1958 г. в Буэноле (Южная Бельгия, недалеко от Арлона) был найден рельеф с изображением такой «жатки».

¹⁴ M. G e s n e r, *Scriptores rei rusticae veteres Latini*, Lipsiae, 1735, ad loc. Шнейдер (ук. соч., стр. 120) считал, что это серп, насаженный на копейное древо; вопроса, зачем было это делать и как таким серпом работать, он себе не задавал. Монже (ук. соч., стр. 34) считал, что это коса с особого вида грабельками; такой косой до недавнего времени косили на Украине овес и гречиху. Орт (ук. соч., стб. 1348), Рейнак (ук. соч., стр. 969) и Бийар (ук. соч., стр. 132) решили, что это коса с длинным косовищем. Как можно косой скашивать хлеб по середине стебля (*medium culmum secant*: определенное указание Колумеллы) никто из этих троих ученых себя не спросил.

копье заканчиваются обязательно острием в виде треугольника¹⁵. Ни на одном из приведенных Уайтом серпов такого нет, а упомянутая Уайтом выемка на очень тонком конце его *f. v.* вообще невозможна. Попробуем подойти к решению вопроса с другой стороны.

Колумелла в своей сельскохозяйственной энциклопедии не занимался раритетами: он говорил об общеизвестном и общеупотребительном; для серпов, им названных, не требовалось описаний и объяснений: ими работали на всех полях Средней и Южной Италии (эти области имеет преимущественно в виду Колумелла). Уайт считает, что *f. veruculata* это понятие родовое, включающее в себя два вида: серпы с зубчиками (*f. denticulatae*) и «серпы клювистые» (*f. rostratae*). Наличие тех и других многократно засвидетельствовано: зубчатый серп изображен на киршице из надгробия, найденного в Ажене на берегу Гаронны (Юго-Западная Франция, рис. 51); такими серпами жнут и легионер на колонне Траяна и эроты на саркофаге из Латеранского музея (III в. н. э.)¹⁶. Такие серпы продавал в своей лавке Корнелий Атимет (I в. н. э.)¹⁷. Они однотипны: небольшие, иззубренные, с сильно изогнутым лезвием (иногда оно образует правильное полукружие). Серпы другого типа больше, с лезвием малозогнутым и вытянутым вперед, напоминающим, действительно, длинный клюв. Такой серп изображен на монетах Луция Папия (начало I в. до н. э.)¹⁸. Прекрасный экземпляр этих монет имеется у нас в Эрмитаже. Серпы этого вида найдены под Помпеями (рис. 52 и 53). По-видимому, это и есть *f. rostratae*. Где в серпах этих двух видов есть общий признак, по которому их следовало бы отнести к одному роду: *f. veruculata*? Его нет. Допустить, что были какие-то другие зубчатые и клювистые серпы, представлявшие две разновидности *f. veruculata*, нелепо. Остаётся предположить, что Колумелла перечислил три вида итальянских серпов: «с копьем» (*f. veruculata*), «зубчатые» и «клювистые». Изображение первого имеется на малоизвестном саркофаге Октавия Валеряна¹⁹:

двое жнецов срезают хлеб при земле, третий стоит, опираясь на серп. Этот серп виден особенно хорошо: конец его лезвия отогнут под прямым углом назад, образуя некий придаток, имеющий треугольную форму и напоминающий, действительно, наконечник копья. Варрон сообщает (I, 50,1), что в Умбрии колосья от срезанных при земле соломинок отделяли потом. Чем? Не для этой ли работы снабжали серп «копьем», которое и выполняло работу ножа? Жнецы на саркофаге жнут хлеб как раз при земле.

Плохих страниц в книге Уайта нет; есть более удачные и менее удачные. К числу лучших относятся страницы 157—173, посвященные галльским жаткам. Подводя итоги прежним исследованиям (большое количество их было вызвано находкой в Бузеноле — см. выше, прим. 13), Уайт установил два типа этих «машин», описал особенности в устройстве каждого, ареал их распространения, их достоинства и недостатки (вместо полуторадневной работы серпом на югере два часа работы жаткой; потери некоторого количества зерна и всей соломы, испулавшиеся, однако, тем, что сжатая пшва оказывалась превосходным пастбищем для овец и свиней, которых в Галлии держали в огромных количествах). Рисунки и фото делают описание «машин» и объяснение ее работы вполне понятным.

Приступая к описанию рала, Уайт подробнейшим образом, согласно своему плану, разобрал все его части и соотношение их, используя археологические находки, литературные и нумизматические данные. При обычной для него пещерывающей полноте материала удивительно, как он мог пропустить рало из Чивита Кастеллана, дающее наглядный образец того орудия, которое Плиний (XVIII, 171) называет «колом с клювом». Вряд ли можно согласиться с тем, что Варрон (*De lingua Lat.* 135) имел в виду Sole-ard, т. е. рало, в подошву которого вделаны рукоятка и грядиль, через который проходит стойка — итальянский плуг стоек вообще не имел: они характерны для рал африканской провинции (ср. рис. 106 и фото с мозаики из Шершеля, табл. 12). Характерно, что Варрон ни в том месте, на которое ссылается Уайт, ни в двух местах «Сельского хозяйства», где речь идет о рале (I, 19,2; 29,2), не упоминает подошвы: когда пахут очень тяжелую землю, то бывает, что грядиль ломается и в земле остается лемех, о подошве ни слова; «уши» приделываются опять-таки к лемеху, а не к подошве. Сопоставив эти сведения с магистратским

¹⁵ Рисунок вертела см. в D—S, s. v.

¹⁶ R. G a r u s s i, Monumenti del Museo Lateranense, Roma, 1861, табл. 49; O. B e n n d o r f, R. S c h ö n e, Die antiken Bildwerke des Lateranischen Museums, Lpz., 1867, стр. 256, № 381.

¹⁷ W. A m e l u n g, Die Sculpturen des Vaticanischen Museums, I, B., 1903, стр. 275—277, табл. 30, 147; D—S, I, стр. 1584, рис. 2113.

¹⁸ H. A. G r u e b e r, Coins of the Roman Republic in the British Museums, I, L., 1910, стр. 371.

¹⁹ Впервые издан O. Яном (O. J a h n, Beschäftigung des täglichen Lebens, «Archaeol. Zeitung», 1861, стр. 146—156, табл.

148; см. также B e n n d o r f, S c h ö n e, ук. соч., стр. 345, № 488; S. R e i n a c h, Repertoire de reliefs Grecs et Romains, III, P., 1904, стр. 282).

значком на монетах Пизона Фруги²⁰, мы должны прийти к выводу, что Варрон имел в виду рало, в котором рукоятка и лемех составляют одну часть, соединяющуюся с грядилем (*araire chambige*, по классификации Одрикура²¹; *beam-ard* по классификации Уайта, стр. 127), по всей вероятности, рало Северо-Западной Италии — родных ему мест.

Можно еще и еще приводить примеры книги Уайта, но и сказанного, думается, достаточно, чтобы показать и метод его работы и вес достигнутых им результатов. Рука об руку с этой созидательной работой идет «разрушительная», не менее нужная и важная: Уайт неизменно указывает на ошибки и промахи своих предшественников. «Серпы», изображенные в статье Рейнака (см. прим. 8), оказались в значительной части своей садовыми ножами; изображение марры у Рича никоим образом не подходит к описанию этой тяжелой мотыги у авторов (оригинала ее нет); Бийар²² перепутал *igrex*, *gastrum* и *maiga* как орудия почти одинаковые; Коллар смешал волокушу с зубчатой бороной²³. Таких поправок Уайт сделал много.

В рецензируемой работе есть мысли, четко автором не сформулированные, но совершенно ясные. Одна из них, неоспоримо подтверждаемая фактами (Уайт вообще не бывает голословен), это мысль о большой продуманности земледельческой техники и ее разумной приспособленности к условиям всей хозяйственной системы, а затем и доказательства ее непрерывного развития. Двукратная жатва (сначала срезают один колосья, а потом

солому), на которую принято ссылаться как на пример убожества рабовладельческой техники, значительно облегчала молотью и сохраняла солому для разных хозяйственных нужд. Галльская жатка, так экономившая и время и рабочую силу, была очень хороша на ровных пространствах Северо-Восточной Галлии, где сеяли под борону, и не годилась в Италии, где семена забирали в гребни, оставляя между ними широкие борозды и обеспечивая тем самым сохранение влаги на знойное и длительное лето. Рало, главное пахотное орудие древней Италии, только рыхлившее землю, не переворачивая ее, оказывается идеально приспособленным для полузасушливых зон, где посев производится в землю, промокшую от зимних дождей, а рост и созревание хлебов приходится на жаркий и сухой сезон. А сколько декламаций по поводу этой жалкой ковырялки было произнесено и нашими и западными учеными. Виноградарский нож, описание которого дано Колумеллой (IV, 25), позволяет работнику произвести — им одним — шесть различных операций. Это совершенный инструмент, для создания которого требовалась долгая и упорная работа мысли. Уайт постоянно указывает на это стремление усовершенствовать сельскохозяйственные орудия, облегчить и ускорить работу земледельца (превращение одной доски с зубьями в настоящую зубчатую борону, разные типы рала, приспособленные к местным условиям, многообразие орудий, принадлежащих к одному роду, создание комплексного инструмента, добавление колес к плугу, появление галльской жатки). Эти соображения, подкрепленные неопровержимым фактическим материалом, делают книгу Уайта интересной и важной не только для узкого круга специалистов, занимающихся вопросами античной агрокультуры и агротехники, но и для всех историков.

М. Е. Сергеевко

²⁰ E. Babelon, *Monnaies de la republique Romaine*, I, P., 1907, стр. 293, рис. 164.

²¹ A. Haudricourt et M. Delamare, *L'homme et la charrue*, P., 1955.

²² Billard, ук. соч., стр. 69.

²³ Varro, *De lingua latina*, par J. Collart, P., 1954, стр. 232.

F. ALTHEIM und R. STIEHL, *Die Araber in der alten Welt*, I—IV, B., 1964—1967

Комплексом сложнейших проблем предстает перед исследователем история арабских племен и государств доисламского времени. Вопросы политической истории, сложность которых объясняется тем, что на протяжении долгого ряда веков эти племена и государства так или иначе взаимодействовали с рядом самых различных государств и этнических образований Ближнего Востока от

древневосточных деспотий до Византии и Сасанидского Ирана; проблемы культурной истории, в первую очередь истории идеологии, истории философских и религиозных учений, сложность которых ясна для каждого, ибо они связаны с возникновением двух мировых религий — христианства и ислама; проблемы филологические и лингвистические и т. д. — весь этот сложнейший узел стал объек-

том исследования в новой серии книг Ф. Альтхайма и Р. Штиль. Авторы, как не раз прежде, взялись за разработку вопросов спорных, дискуссионных, находящихся на стыке различных исторических дисциплин. Безусловно, появление такого рода серии представляет заметное явление в науке о древности.

Подобно некоторым другим работам этих авторов (например пятитомной «Истории гуннов»), рассматриваемый четырехтомник отличается от привычных исследований как по своему характеру, так и особенно по композиции. Содержание книги по охвату проблем гораздо шире ее темы, сформулированной в названии (подразумевающим тоже обширный, но все-таки ограниченный круг проблем). Границы работы весьма расплывчаты, в ней часто появляются разделы, не связанные ни с темой, ни с общим замыслом книги. Это — не монографическое исследование со строгой архитектурной, обусловленной логикой изучения темы, но скорее сборник отдельных статей, причем подчас трудно понять, почему некоторые из них включены в книгу. Конечно, многие из таких статей весьма ценны. Например, работа И. Вольского во втором томе очень важна для изучения хронологических и династических вопросов истории ранних Аршакидов. Но тем не менее, в книге подобные работы, имеющие весьма отдаленное отношение к истории арабов, выглядят странно.

Помимо разделов, написанных основными авторами, в книге немало (более 20) глав, экскурсов, приложений, принадлежащих другим исследователям, что тоже не способствует единству произведения (хотя бы внешнему).

Усложняет композицию книги и большое число приложений, построенных также весьма своеобразно. Для примера сошлемся на Приложение II первого тома («Мшатта и начало арабского искусства»). Начинается оно с весьма интересных мыслей о соотношении города и замка в позднеантичное и раннесредневековое время, но затем все сводится к полемике Ф. Альтхайма с исследователями, возражавшими против ранней датировки Мшатты, в одной из предшествующих его работ. Подобного рода отклики на критические замечания (подчас и не связанные с тематикой книги) занимают значительное место в четырехтомнике, усложняют и без того запутанную композицию работы и крайне утомительны для читателя. К этому добавляется еще известное количество разделов, по существу представляющих собой рецензии (например разбор книги Г. Виденгрена, посвященной ирано-семитским культурным контактам в парфянское время)¹.

Естественно, что работа такого объема и характера вряд ли может быть всесторонне рассмотрена одним рецензентом. Дело не только в том, что авторы зачастую уходят в дебри дискуссий по частным вопросам, и не только в том, что для сколько-нибудь подробного разбора четырехтомника понадобилась бы целая книга, основное заключается в том, что в книге освещено огромное количество вопросов, участвуют многие высококвалифицированные специалисты, выдвигаются часто весьма интересные и крайне спорные точки зрения, которые в будущем, несомненно, привлекут внимание многих ученых самых различных специальностей.

Поэтому мы видим свою задачу в том, чтобы дать самое общее представление о книге.

Первому тому серии предпослано введение Ф. Альтхайма, в котором определены задачи исследования. Ф. Альтхайм, совершенно справедливо указывает на чрезвычайно слабую изученность политической и культурной истории арабов доисламского времени, несмотря на ряд важных открытий и исследований (Аксумская экспедиция, работы А. Мусилы, Г. Рикманса, Ж. Пирени). Он подчеркивает значение «караванных городов» (Петры, Пальмиры, Хары), связанных с ранней историей арабов и возникших в результате эллинистических влияний. Сущность монофизитства, сыгравшего столь значительную роль в ранней истории христианства, объясняется им, главным образом, этническими моментами, хотя не отрицается и значение неоплатонизма. Отмечая характерные черты политической истории арабов, Ф. Альтхайм особо подчеркивает, что, с его точки зрения, у арабов всегда преобладали центробежные тенденции, приводившие к постоянному их разъединению. Отсутствие анализа этих явлений с точки зрения социально-экономической структуры общества не позволяет считать это утверждение безусловно справедливым. Большую роль в развитии культуры арабов сыграло их устное творчество, в результате которого был создан общеарабский язык.

Наиболее интересен для антиковеда первый том, в основе проблематики которого лежит (в очерченных выше пределах), анализ сведений об арабских племенах времени приблизительно до Римской империи. В основу методического подхода к решению множества вопросов этого круга положен разбор сведений античных авторов в сопоставлении с данными арабских источников. Большое место принадлежит лингвистическому анализу отдельных терминов, географи-

¹ G. W i d e n g r e n, Iranisch-semitisch Kulturbegegnung in parthischer Zeit,

«Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen», Geisteswissenschaft, Heft 70 (1960).